

Каталог составлен тщательно и по всем правилам библиографического описания. Можно себе представить, какого труда стоило его составление! В издании встречаются, правда, мелкие ошибки: например, в общем библиографическом списке имя А. С. Яковлева стоит после имени И. Ф. Янковича де Мириево, а в статье У. Екуч поэт Семен Бобров поименован Сергеем (с. ХLI).

Кроме указателей имен и заглавий, в издании помещен «Указатель случаев»

(с. 293—307), т. е. алфавитное перечисление поводов, по которым сочинялись стихотворения (благодарность, болезнь, восшествие на престол, спуск корабля и т. д.).

Каталог поэзии на случай, этот «первый опыт инвентаризации окказиональной поэзии» (с. ХLII) — полезное и существенное пополнение справочной, *подручной* литературы по эпохе Просвещения и сентиментализма в России.

© Л. Н. Полубояринова

«ПЕВЕЦ САМОУВАЖЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА В РАСКОЛДОВАННОМ МИРЕ»: НОВАЯ КНИГА Х.-Ю. ГЕРИГКА О ТУРГЕНЕВЕ*

Новая книга немецкого слависта профессора Гейдельбергского университета Хорста-Юргена Геригка «Тургенев. Введение в творчество писателя, предназначенное для современного читателя» являет собой итог многолетних научных изысканий автора, слависта с мировым именем, почетного председателя немецкого Тургеневского общества. Именно в честь 20-летия этого общества 24 июня 2012 года в Баден-Бадене Геригком был прочитан доклад «Тургенев сегодня. Его значение для литературного сознания нашей современности», текст которого представлен в первой главе рецензируемого издания. Будучи предназначенным прежде всего для немецких читателей русского классика, данный вводный текст великолепно ориентирует в истории рецепции и изучения Тургенева в Германии, давая исчерпывающий синопсис базовых немецкоязычных изданий русского классика и немецкой тургеноведческой традиции, к выдающимся достижениям которой, кроме трудов самого Геригка, относятся статьи и монографии Петера Тиргена и Петера Бранга. Первая глава, как и книга в целом, в полном соответствии с заглавием, действительно, идеальным образом выполняют задачу «введения» современного немецкого читателя в мир тургеновского творчества.¹

* Gerigh H.-J. Turgenjew. Eine Einführung für den Leser von heute. Heidelberg: Universitätsverlag «Winter», 2015. 287 S.

¹ В действительности импульсов юбилейного доклада профессора Геригка автор настоящей рецензии смогла лично убедиться в мае 2016 года во время встреч и бесед с представителями немецкого Тургеневского общества, многих из которых именно данное выступление побудило к активному чтению тургеновских текстов и к выступлению в обществе.

Однако было бы заблуждением и несправедливостью счесть рецензируемую монографию значимой и важной исключительно лишь для немецкоязычного читающего мира и для немецкого тургеноведения. В не меньшей, а в чем-то и в большей мере книга Геригка способна обогатить также и российского читателя, и исследователя, если иметь в виду «прибавочную стоимость», неизменно сопровождающую процессы «культурного трансфера» и «обратного перевода». В данном случае уже сама «точка ввода» или «входа» в тургеновские тексты отмечена спецификой иной (отличной от отечественной) научной традиции и школы. В случае Геригка это, в первую очередь, установки немецкой философской эстетики, предполагающие, в согласии с гегелевской систематикой, строгую родовую и жанровую спецификацию. Недаром следом за вводной главой в монографии помещен последовательный и «исчерпывающий» обзор родов и жанров тургеновского творчества, некоторые из которых становятся предметом отдельного пристального рассмотрения в последующих главах книги: жанровая поэтика очерка в «Записках охотника» (3-я глава), тургеновских повестей о любви (5-я глава), романов (6-я глава), «Стихотворений в прозе» (7-я глава), автобиографической и эссеистической прозы (11-я глава), драм (20-я глава).

В самой логике подхода к материалу и стилистике изложения с неизменноностью ощущается немецкая точность и вкус к таксономическим построениям. Скажем, прежде чем перейти к анализу конкретного жанра или конкретного произведения, автор дает исчерпывающее точное описание объекта исследования в целом, в том числе его «количественных» характеристик. Сущностным «центром» художественного наследия Турге-

нева выступают для Геригка 25 очерков «Записок охотника». «Вокруг данного центра группируются, с одной стороны, шесть романов и 31 повесть, с другой стороны — 83 „стихотворения в прозе“. (...) Сюда же отнесем два тома ранней лирики и восемь ранних поэм» (Здесь и далее перевод мой. — Л. П.; с. 18), — столь скрупулезно очерченное поле исследования предполагает и в частности ясность и точность суждения и оценки.

«Поэтологическая реконструкция» (так обозначает свой метод исследователь на с. 237) жанровых инвариантов тургеневского наследия осуществляется в монографии Геригка на прочной основе и при постоянном учете биографической и историко-литературной составляющей творчества писателя. В данном отношении обращают на себя внимание главы с 8-й по 13-ю включительно, посвященные, соответственно, Тургеневу как «поставщику» таких ключевых понятий европейской культуры, как «нигилизм» и «лишний человек»; России, Германии, Италии, Англии, Франции как важнейшим «площадкам» (Schauplätze) биографии русского автора; экономическим и, в частности, финансовым аспектам жизни Тургенева; ключевым событиям середины и второй трети XIX века, как они отражены в публицистике и письмах писателя; его отношениям с семьей Вярдо и с Ф. М. Достоевским.

Третий важный принцип подхода к тургеневским текстам у Геригка — открытость предлагаемых в монографии анализов и интерпретаций по отношению к «мировой литературе», в контекст которой Тургенев вписывается автором книги благодаря отсылкам к тургеневским «следам», векторам и траекториям, обнаруживаемым в американской (у Г. Джеймса, О. Уэстера, Ш. Андерсона, Э. Хэмингуэя, в литературных историях Д. С. Мирского, В. Набокова, В. Терраса — 16-я и 17-я главы), ирландской (у Ф. О'Коннора и У. Тревора — 18-я глава), французской и австралийской (Г. де Мопассана и Р. Дессе — 14-я глава), немецкой и австрийской (Т. Манна — 15-я и 17-я главы; Ф. Фон Заара — 17-я глава; блестящее сопоставление творческих принципов Т. Манна с таковыми Тургенева — один из наиболее ценных в научном отношении пассажей данной книги) литературах с исключительной последовательностью и убедительностью. В отличие от своей ранней монографии, значительная часть которой посвящена рецепции творчества И. С. Тургенева в США,² Геригк в рецензируемой книге не ставит задачей исчерпывающе представить «контактные» связи русского классика с той или иной национальной

литературой или с тем или иным писателем, но сознательно выдвигает на первый план, в первую очередь, типологические сходства.

Учитывая, упоминая и оговаривая в своей функции своеобразного «введения в тургеневедение» все важные параметры и аспекты творчества русского автора и сохраняя в соответствующих пассажах книги необходимую обзорность изложения, Геригк последовательно развивает несколько принципиально важных положений, составляющих собственно научное «послание» данного исследования. Это, во-первых, неоднократно повторенная и многократно фундированная (в том числе и сквозными для данной книги сравнениями творческого «принципа» Тургенева с установками Л. Н. Толстого и Достоевского) мысль о высочайшей степени профессионализма Тургенева как писателя. Творчество Тургенева как «мастера художественной конструкции» (с. 21), как автора «для знатоков и только для знатоков» (с. 22) понимается, в первую очередь, в свете репрезентации внутренних процессов и состояний субъекта, для которых «изображаемый внешний мир выступает не более чем поставщиком неких наглядных соответствий» (с. 20). В качестве наиболее очевидного проявления подобной (иерархически понимаемой) констелляции «внутреннего» и «внешнего» выступают, по Геригку, тургеневские повести о любви, основанные на принципе экстрадиегитического рамочного повествования, и профилируемый автором принцип аллегории. И в том и в другом случае акцент художественного высказывания смещается с сюжета или объекта описания на рефлексию субъекта (повествователя или автора) по поводу себя самого. Так, феномен «первой любви» в одноименной повести, приобретает статус состояния «интенсивного экзистенциального переживания» (с. 33) лишь в самом событии рассказывания, наделяет именно субъекта повествования (не героя) статусом носителя подлинного экзистенциального опыта — основы его идентичности.

Фигуре аллегории у Тургенева посвящена целиком 4-я глава, в центре которой — оригинальная трактовка повести «Три встречи» как воплощения трех этапов развития любовного чувства *par excellence*: «ожидания, реализации желания и разочарования» (с. 67), — глава, завершающаяся интересными аналогиями с новеллой Т. Манна «Тонио Крёгер» и со стихотворением А. Блока «Незнакомка». Однако к фигуре аллегории автор неоднократно обращается и впоследствии — в частности, при анализе более поздних повестей о любви, «Дыма» (бабочка-«душа», бьющаяся о стекло в комнате отеля во время последнего свидания Литвинова и Ирины), «Записок охотника». Х.-Ю. Геригк выдвигает оригинальный тезис об «аллегорических предпосылках поэтики» Тургенева в целом (с. 39) и приводит многочисленные доказательства данному тезису. Наиболее яркое из

² См.: *Gerigk H.-J. Die Russen in Amerika. Dostojewskij, Tolstoj, Turgenjew und Tschschow in ihrer Bedeutung für die Literatur der USA.* Hurtgenwald: Guido Pressler Verlag, 1995.

них — виртуозный анализ очерка «Конец Чертопханова», в ходе которого убедительно доказывается аллегорическая функция образа коня Малек-Аделя, который для протагониста — «не что иное, как метафора реализованной грезы (Sehnsucht) его (...) владельца» (с. 53), в силу чего для героя после утраты коня оказывается невозможным принять его «эрзац»: «Существование ложного Малек-Аделя воспринимается как оскорбление Малек-Аделя подлинного» (с. 54), поэтому Чертопханов и убивает второго, «неподлинного» коня.

Еще одна «сквозная» идея данной насыщенной тонкими интуициями и глубокими прозрениями книги — актуальность Тургенева для современности и, конкретно, для чи-

тателя XXI века — фундируется указанием на принципиальную «безыдейность» его поэтики, ее свободу (как считает Геригк, свободу большую, нежели то предполагают тексты Толстого и Достоевского) от иллюзионистских по сути дискурсивных конструкций философского или религиозного толка. Поэтому, делает вывод автор книги, «не будет ни преувеличением, ни тривиальной редукцией назвать Тургенева певцом самоуважения человека в расколдованном мире» (с. 38).

Значение тонкой и умной книги Геригка определено выходит за пределы только немецкой славистики. Перевод данного исследования на русский язык несомненно обогатил бы отечественное тургеневедение.

© В. А. Котельников

ПЕРЕПИСКА А. К. ТОЛСТОГО И Б. М. МАРКЕВИЧА НА ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ*

А. К. Толстой принадлежит к ряду тех деятелей, которых с полным правом можно назвать «русскими европейцами», имея в виду их культурные ориентиры, идейные и эстетические истоки их творчества, западные горизонты их историзма. В этом ряду мы находим П. А. Вяземского, И. В. Киреевского, Ф. И. Тютчева, П. Я. Чаадаева, В. С. Печерина, А. И. Герцена, И. С. Тургенева и других. Достаточно указать на двух из них, чтобы увидеть характерную их особенность. Так, именно фактическое знание и критическое осмысление Киреевским европейской цивилизации стало основанием для создания им «славяно-христианского направления» в славянофильстве. Античный мир, итальянское искусство, средневековые Северной Европы образовали ту культурную почву, на которой выросла творческая личность А. К. Толстого, разрабатывавшего в поэзии темы русской природы, истории, фольклора — и вместе с тем исповедовавшего культ красоты и личной свободы. Наиболее тесно Толстой был связан с Германией, где его литературное присутствие (благодаря переводам К. К. Павловой на немецкий язык, а также его собственным стихам на этом языке), как и восприятие им немецкой философии и литературы,

было длительным и оставило значительный след.

Связи Толстого с культурой Франции далеко не столь интенсивны и широки. Он весьма успешно переводил любимого им А. Шенье и использовал в своей лирике некоторые его мотивы. Но главное — французский язык стал для него (как для Чаадаева и Тютчева) преобладающим инструментом развития историсофских, политических, эстетических идей. Одним из основных выражений этого оказываются письма Толстого к Б. М. Маркевичу, в которых писатель мог высказываться прямо и откровенно благодаря доверительности и умственному резонансу в отношениях с корреспондентом. Переписка Толстого и Маркевича на французском языке стала замечательным эпистолярным памятником XIX века. Предпринявший ее издание Мишель Никё, известный славист, почетный профессор Университета Caen-Normandie, дал исследователям ценный по содержанию и научному сопровождению материал для изучения прежде всего взглядов и деятельности Толстого, а вместе с ним — и малоизвестного ныне Маркевича. Разумеется, письма Толстого к последнему, хранящиеся в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинского Дома) Российской Академии наук, вполне доступны всем. Но тот, кто знакомился с ними, знает, насколько трудно местами прочитывается французский текст в толстовском написании и сколь непросто разъяснить заключенные в письмах реалии и намеки. М. Никё безупречно воспроизвел все письма, тщательно прокомментировал их, во вступительной статье изложил темы переписки

* Correspondance en français entre Alexis Konstantinovitch Tolstoï et Boleslav Markévitch (1858—1875): Controverses littéraires et politiques / Correspondance inédite, présentée et annotée par Michel Niqueux. Lyon: Centre d'études slaves André Lironde, 2015. 369 p. (Specimina Slavica Lugdunensia. Vol. VI).